

Раб божий Валентин ущербным себя не чувствует

После фотоочерка в «Труде» В. Манцев, ещё живущий сегодня в мрачной келье Свято-Троицкого Данилова монастыря в Переславле, стал ну прямо местной знаменитостью. Хотя таких мужиков в Залесском пруд пруди, а вот поди ж ты...

— А я и не знаю, чем я его привлёк, фотографа-то этого. Гляжу, положил он на меня глаз, всё вертится вокруг моих досок, эка невидаль. Пасхальные яйца-то у меня куда круче, — начинает наш разговор Валентин Семёнович.

Родившийся в Переславле 8 мая 1946 года, он себя не считает ни дитём Победы, ни плодом послевоенной жадной на любовь жизни. Какая уж там любовная романтика была у его родителей в то время?! У них, бывших тверских крестьян, приехавших сюда сразу после войны из-под Ржева, где шли жесточайшие бои, была одна забота — досыта наесться и просто выжить.

А в Переславль попали, потому что там уже жила тётка, прибывшая в город вместе с сильно поредевшим гуртом колхозного стада коров и волов, чудом дотавившегося до залесских полян. Рядом с Даниловым монастырём, в Соколке, ещё долго после войны влачил существование колхоз, где работали не только тверские беженцы, но и бывшие жители блокадного Ленинграда.

— Сейчас-то, — продолжает свой рассказ мой собеседник, — эта Соколка знаменита лишь своими козами да тем ещё, что строят свои хоромы газовики, а вот в мои мальчишеские годы...

— А что особенного-то было тогда? — спрашиваю.

— А то, что люди братьями друг другу были, не завидущими и под себя не гребущими.

Помнит, Данилов монастырь весь был заселён русскими, белорусами, украинцами из Полесья, было дружно и весело. Никаких замков на двери не вешали, а детей собирали в школы всем миром и свадьбы готовили всем сообществом. Женихи и невесты были, знали цену труду и честности...

— Эх, да что там говорить, в те годы у нас уборщицы в школах ни презервативов вениками не выметали, ни разовых шприцов для наркотиков не находили... И откуда только это берётся?

Валентин окончил девять классов, ремесленное училище и стал автослесарем-ремонтников в расположенной неподалёку «Сельхозхимии». Несколько лет сам шоферил, на ЗИСах, полупотках и первых ЗИЛах объездил не одну тысячу центральных дорог...

Не всегда понимает Маяковского, но вот одно стихотворение ему хорошо запомнилось: «Землю, с которой вместе мёрз, вовек разлюбить нельзя!»

— Правильно сказал поэт. Шофёрский труд всегда несладок был, да и шофёр шофёру рознь. Иной только и смотрит, где бы чего прихватить, что плохо лежит, особенно «дальнобойщики», не в обиду всем будь сказано. А я таким никогда не был, для меня важно, как это интеллигентия выражается? Да, принцип разумной достаточности. Есть на хлеб, есть на радость — ну и слава Богу!

Что такое «на радость», я у Валентина Семёновича выяснять не стал, а вот как он из автослесаря в краснодеревщика превратился, узнать захотелось. Оказалось, что слу-

чайно. Как-то на Пасху захотелось соседским мальчишкам поиграть в такое яйцо, чтобы не разбивалось. Вот и обратились они к дяде Вале, который к тому времени уже карабкался со своим неуклюжим протезом после операции по крутой лестнице. Попросили «обстругать» им такое яйцо.

Дядя Валя обстругал, пацаны покрасили изделие луковичной шелухой и «на спор» облапошивали сверстников очень похожим на настоящее, только не бьющимся яйцом. Обманщиков вскоре разоблачили, а в душе у Валентина Манцева потихоньку рождался мастер: всегда и всюду так и норовил пристроить к делу бросовое дерево. С тех пор, особенно после смерти жены, это увлечение стало и постоянным приработком к шестисотрублёвой пенсии...

Когда мы встретились, нам было не до красот монастыря, известного, кстати, аж с 1508 года. Мы с Манцевым сошлись во мнении, что инвалид без правой ноги, ранее годами стоявший в очереди на нормальное жильё, вправе его сегодня иметь. Живёт он по-прежнему в келье, и там ни разу никогда не был ни один чиновник. Зато уж их благими обещаниями, наверное, можно было бы покрыть крышу обители, где невольным иноком (или, как здесь говорят, «братом») остаётся раб божий Валентин. Гуманностью в этой мрачной комнатухе и не пахнет. А вот самым кондовым бездушием отдаёт, и сильно.